

9. Как вы оцениваете политику Евросоюза в отношении Беларуси?

Ольга Абрамова

А в Евросоюзе вообще не понимают, что происходит в Беларуси. Просто не понимают! Политика Евросоюза в отношении Беларуси формируется не в Евросоюзе – она формируется здесь, той частью политической оппозиции, которая давно уже заняла определенную политическую нишу и превратила политику в бизнес. В общем, она не заинтересована (вопреки громким словам, шумовым эффектам, политическим заявлениям), чтобы ситуация в Беларуси менялась в направлении демократизации, в направлении складывания здесь полноценного рынка, в направлении снятия изоляции Беларуси с целью установления полноценных контактов с западным миром. Она в этом не заинтересована, потому что ей удобно и комфортно существовать. Но это касается только верхушки, и не всех даже лидеров оппозиции, потому что я могла бы приводить и другие примеры.

Беларусь -- страна маленькая. Точно так же, как в любом ремесле – журналистском ли, аналитическом ли, – все мы знаем, кто мастер, а кто подмастерье. Точно так же мы все прекрасно знаем, кто чем дышит в Беларуси. Можно говорить любые, самые красивые слова про любовь к стране, любовь к демократическим ценностям, но не быть при этом внутренне ни патриотом, ни демократом. И вести себя в соответствии со своим шкурным интересом.

Поэтому я повторяю: в Евросоюзе это евровысокомерие, нежелание (как и со стороны США, к которым я так же, как и к Евросоюзу, отношусь уважительно) утруждать себя тем, чтобы предложить во взаимодействии дееспособную модель. Я не раз говорила публично европейским партнёрам: «Ребята, а что ж вы, когда предъявляете претензии к Беларуси, ведете себя очень странно? Ведь если бы, чтобы он бежал вперед, надо предложить морковку. А вы норовите все время бить нас палкой по крупу. А давайте попробуем по-другому. Предложите нам конкретные, прагматичные, весомые вещи (я имею в виду, прежде всего, с материальной точки зрения). Белорусы – очень прагматичный народ: они подумают-подумают, и если то, что вы предлагаете, действительно не будет мелочной подачкой... Я понимаю, что на сегодня это нереально: спросите у экономистов, сколько потребуется для перевода нашей экономики на рыночные рельсы. Но предложите хотя бы траншами, частями! Вы можете нас таким образом вовлечь в общеевропейское пространство».

У меня есть большое подозрение, что даже белорусское руководство, в случае если что-то существенное предложат (поскольку они принадлежат к тому же культурному полю, что и мы по базовым ценностям, по глубинным: прагматизм, умение взвешивать жизненные выгоды), не откажется от этого варианта. Сделайте таким образом! А битие никакого результата не приносит. Оно только приводит к закостенению, упорствованию в представлениях о собственной правоте, к формированию окопной психологии («мы окружены враждебным миром»), к консолидации большинства нации вокруг этого представления. Действовать по этому порочному варианту дальше неперспективно. О санкциях в отношении Беларуси я всегда говорила, что они контрпродуктивны, а в политическом плане вообще дают негативный эффект.

Евгений Бабосов

Если мы говорим о двойственности российского отношения к Беларуси, то Евросоюз более односторонен – в смысле непризнания Беларуси. Но это, опять-таки, не экономика, а политика! Негативное отношение к современному руководству Беларуси переносится, к сожалению, на народ Беларуси. Подобным

образом ведет себя не весь Евросоюз, а только некоторые его лидеры – те, которые входят в ОБСЕ и т.д. Что касается самого Евросоюза, Европарламента, то приглашают туда оппозицию – ну и Бог с ними, пускай приглашают! Это их дело.

Я думаю, что перспектива за тем, кого народ выберет. Кого народ выберет – это его дело, кого выбирать: или одного, или второго, или пятнадцатого – неважно. Главное (еще раз повторяю) оставаться самим собой. И только когда мы будем самими собой, мы останемся в Европе. Как только мы начнем кому-то подчиняться, перед кем-то пресмыкаться, нас просто затопчут.

Анжелика Борыс

Как недостаточно последовательную, хотя в последнее время, во многом благодаря влиянию Польши и других новых членов ЕС, осознание проблемы Беларуси становится более глубоким и искренним.

Генадзь Буравкин

Я и сегодня не уверен, что политика Евросоюза по отношению к Беларуси есть. Может, она существует, но, на мой взгляд, несеръезная. У меня чувство, что Евросоюз не понимает своеобразности того, что происходит в Беларуси. Евросоюз берёт свои стандарты и старается то ли пропагандировать их в Беларуси, то ли применять их к белорусской реальности. И поэтому мне смешно, когда я слушаю некоторых довольно высоких евросоюзовских чиновников, пропагандирующих среди нас идеи демократизма, свободных выборов... Идеи правильные, но эти чиновники не могут понять, что в Беларуси их реализовать, осуществить невозможно. Поэтому я думаю, что руководство Евросоюза (во всяком случае, высший эшелон) до сих пор реальной ситуации в Беларуси не знает и не понимает. Отсюда будто бы желание помочь демократическим процессам, идущим у нас, и в то же время абсолютное неумение (из-за неучтения реальности) сделать какие-то конкретные шаги. То опаздывают, то наоборот, то не идут до конца, то вообще делают вид, что ничего не происходит. Поэтому,

повторяю, у меня нет уверенности, что есть линия, есть политика по отношению к Беларуси и что в Евросоюзе понимают очень непростую ситуацию (прежде всего политическую), которая сложилась в Беларуси.

Запретили въезд чиновникам? У них есть такое право, и они им воспользовались. Таким образом они подчеркнули своё отношение. Но я не думаю, что это те решения, которые могут что-то серьёзно изменить в Беларуси. Это больше моральные аспекты, чем организационные, политические.

Алесь Бяляцкий

Я немало говорил о соседних с нами странах – тут многое совпадает, поскольку политика сопредельных государств во многом соответствует общей политике и стратегии Евросоюза. Хотя, возможно, следует повторить: наконец-то Евросоюз увидел в Беларуси страну-соседку, страну, с которой стоит иметь дела и пытаться решить что-то.

Политика Евросоюза улучшается. Не скажу, что она стала лучше на 100%, но то, что значительные изменения к лучшему произошли за последние два года, – очевидно. И наша задача – чтобы Евросоюз рассматривал Беларусь как страну, у которой есть проблемы. Пусть не как участника Евросоюза (потому что это маловероятно на сегодняшний день), но – как государство, у которого есть определенные вопросы. А после решения этих проблем – как страну, способную присоединиться к Евросоюзу. Это как люди, которые живут в одной деревне, а в одной избе непорядок, и соседи могут собраться и подумать, чем помочь, какую-то толоку созвать – выкинуть подгнившие нижние брёвна, подложить новые, все вместе подпереть эту избу... Чтобы они смотрели на Беларусь как на реальный кусок европейского пространства, европейского сообщества, европейского поля. Нас очень много связывает с европейским сообществом, с теми народами, которые живут в Европе, – просто невероятно много. Мы мало что себе представляем об этом. Один пример – женские украшения тысячелетней давности. Возьмите Норвегию и сравните с белорусскими комплексами – возможно, не всеми, но по крайней мере на севере Беларуси, на Витебщине. Восьмидесятипроцентная идентичность! Это означает, что шла интенсивная

торговля, и настолько активно люди ездили туда-сюда, и возили жён, и настолько был естественным обмен между древними тогдашними государствами... Никому и в голову не могло прийти, что на сегодняшний день это всё будет оборвано, рассоединено и т. д. Я бы не хотел, чтобы так было.

Александр Вайтович

Считаю её в основном адекватной ситуации.

Андрей Вардамацкий

Она крайне неповоротлива. Решения принимаются очень медленно. Например, создание независимого информационного поля провозглашается, но это совершенно неэффективно. Подобное справедливо не только на уровне медиийных рейтингов тех средств массовой информации, которые создаются в Европе (рейтинги мизерные!), но и на уровне той идеологии, которая предлагается. Населению дают не анализ событий, которые происходят здесь, в Беларуси, а описание того, каким хорошим и светлым, «белым и пушистым» является Евросоюз. Белорусская информационная потребность заключается в желании узнать, что же на самом деле происходит внутри Республики Беларусь, а не в описании достоинств Евросоюза. Есть несоответствие между информационной потребностью белорусской аудитории и предлагаемыми темами, исходящими со стороны Евросоюза. «Галочка» относительно Беларуси ставится, но эффективность этой «галочки» мизерная. Формат бумаги, написанной по поводу медиавещания на Беларусь, больше физического покрытия этих станций на территории Беларусь.

Винцук Вячорка

Я уже говорил, что до недавнего времени такой политики вообще не было, а было несистемное, схематичное, реактивное поведение. Впрочем, Беларусь как геополитический фактор объективно занимает небольшой процент внимания ЕС как целого. Есть Ближний Восток, постюгославские Балканы, для

Франции существенен Магриб, есть 50-миллионная Украина. В конце концов, есть Россия.

Европейскому Союзу, которому консолидированные решения даются очень непросто, надо было обзавестись своим составе группой стран, для которых белорусская проблематика существенна. Как только это (расширение за счёт наших соседей) произошло, начали появляться попытки систематизировать подход к Беларуси. Так называемый *two-fold approach* (двухкомпонентный подход), в принципе, если его осуществлять последовательно, может давать позитивный результат.

Первая составляющая – карательная изоляция режима, его руководителей и наиболее упорных прислужников. Тут, после многочисленных острых резолюций Европарламента, на которые лукашенковская власть обращала мало внимания, начались действительно эффективные шаги в виде персональных визовых ограничений: сначала согласно так называемому списку Пургуринеса был запрещён въезд в ЕС тем, кто может иметь отношение к исчезновениям, а недавно ЕС одобрил список из трёх десятков имён тех, кто руководил фальсификацией выборов и репрессиями, для визовых ограничений (более эффективно) и замораживания счетов (менее действительно, поскольку они их в ЕС, скорее всего, не держат). Реакция властей показывает, что список надо расширять и популяризировать в Беларуси.

Что касается экономических санкций, то ЕС их не одобряет, по моему мнению, справедливо.

Вторая составляющая – максимальная открытость объединённой Европы для белорусского общества и помочь демократическому гражданскому обществу. Политика – это не только декларации, но и конкретные, подкреплённые материальными ресурсами шаги. Долго нам пришлось убеждать Еврокомиссию, что программа TACIS (техническая помощь странам СНГ) для Евросоюза в части помочь гражданскому обществу не только не полезна, но даже вредна, поскольку согласно правилам этой программы всякое выделение средств должно согласовываться с правительством страны. Представим, как лукашенковское правительство одобряет, скажем, программу поддержки какой-либо из право-защитных организаций, которые оно одну за другой закрывает.

Но политика по отношению к нам европейских соседей и несоседей наиболее зависит от нас. Только мы начали реально объединяться, выдвинули достойного доверия лидера, вырвались из электорального гетто – тут же начался совершенно иной уровень поддержки, как вербальной, так и практической. Если будем сильны мы здесь, в Беларуси, будем европейцами де-факто – никуда не денутся: поддержат и признают. Если мы сохраним политическую субъектность объединённых демократических сил, это будет лучшим доказательством для России нашей способности строить и защищать белорусскую независимую государственность.

Павел Данейко

Думаю, никакой политики реально нет. Евросоюз в полной растерянности, потому что Беларусь просто-напросто вываливается из всего того, с чем он имеет дело по всем своим границам. Они просто совершенно не понимают, что с этим делать. И не понимают роли Беларуси в регионе. Не понимают той идеологической нагрузки, которую несет белорусская ситуация, и как развитие ситуации в Беларуси будет влиять на изменение в распределении сил и т.д. Для них эта страна просто не существует! Они считают, что развитие событий здесь никак не влияет на развитие региона.

Конечно, все учили географию, могут показать Беларусь на карте. Но, по-моему, немецкое восприятие Беларуси, например, отсутствует полностью: они считают, что это Россия. Я не обвиняю их – это просто такое ценностное восприятие.

Андрей Дынько

В марте этого года, во время протестов, сопровождавших выборы, я попал на некоторое время в тюрьму. Она была построена за деньги программы TACIS. Это очень комфортабельная тюрьма – искреннее спасибо программе TACIS и Евросоюзу за её постройку! И я даже попросил бы, чтобы они ещё несколько таких тюрем построили в Беларуси. Пожалуй, это была лучшая инвестиция программы TACIS, которую можно было придумать.

Дело в том, что политика Евросоюза была очень противоречивой. Европейцы очень долгое время просто не знали Беларуси, не понимали её: Беларусь не укладывалась в стереотипы. С ней пробовали общаться по тем же схемам, по которым общались с другими странами. Оказалось, что требовались совсем другие схемы.

Я могу говорить о своей сфере – СМИ. Сколько я работаю редактором газеты «Наша Ніва», я слышу со стороны ЕС заверения, что будет идти дальнейшая поддержка независимых СМИ в Беларуси. И за это время я не почувствовал никакой реальной поддержки. Проекты, которые осуществляются, обычно направлены на поддержку средств массовой информации Евросоюза, а не белорусских. Евросоюз имеет право на это – я это принимаю. Но в белорусской ситуации, по-моему, очень важно следующее: если врач не может излечить, он должен руководствоваться принципом «не навреди».

В долгосрочном плане самое главное для Беларуси, чтобы экономические, культурные, политические и просто человеческие связи со всеми странами Евросоюза расширялись. Думаю, что всякие санкции, бывающие по таким связям, очень навредили бы. Беларусь нужна не изоляция, а наоборот. Об изоляции можно говорить только в отношении узкого круга людей, которые цинично и нагло нарушают европейские правила, людей, причастных к преступлениям.

Но любое расширение экономических контактов ведёт к открытию Беларуси. Если не сегодня – то завтра! Любое расширение политических контактов с белорусским гражданским обществом ведёт к открытию Беларуси. Любое расширение культурных контактов поддерживает свободное белорусское слово и меняет атмосферу здесь. Наилучшее, что могло бы быть, – открытие границ. Я понимаю, что пока мечтать об этом идеалистично. Но любые облегчения визового режима открывают Европу для белорусов. То, что сделала теперь Латвия, – введение бесплатных виз – это прекрасно! Этот шаг оккупится ей стократ в будущем.

Светлана Калинкина

Всегда однозначную политику по отношению к Беларуси проводили Соединённые Штаты. А Европа – нет!

Европа и для Беларуси, и лично для Лукашенко (поскольку он руководит страной) – основной партнёр на самом деле. И если раньше мы говорили о том, что страна в основном торгует с Россией, то сейчас – нет, всё-таки именно с Европой. Европа на первом месте. Тут очень сложно! Я понимаю и европейские страны, западные страны. Очень много проблем в современном мире. И в этом смысле Беларусь, где нет концентрационных лагерей, где католики не воюют с православными – это не такая уж «горячая точка», чтобы какие-то радикальные меры принимать.

Но тут другая опасность. На мой взгляд, сейчас Европа начинает уже понимать, что Беларусь превращается в своего рода рассадник реваншистских сил на всей территории Европы: и югославских, и украинских, и российских, и прибалтийских... Поэтому очень небезопасно иметь такую страну, которая помогает этим силам.

До сих пор политика Евросоюза была непоследовательной. Её нельзя было назвать политикой Евросоюза в целом. Одной точки зрения, одной стратегии могли придерживаться, например, Франция и Великобритания, а совершенно другой – Германия, Италия, Австрия, к примеру. Это то, что мы наблюдали буквально до недавнего времени.

В настоящее время всё изменилось. Теперь политика однозначная, более определённая, более категоричная. Но, я так понимаю, Европа всё-таки пока надеетсяся, что белорусский вопрос разрешится при помощи России каким-то образом. И поэтому такие вот полумеры принимаются в отношении Беларуси. Хорошо, если это так, если с российским участием действительно удастся изменить ситуацию и удастся нашей стране выйти на цивилизованный путь развития. Но возможно, что Беларусь принесёт в Россию много своего, а не наоборот.

Сергей Калякин

Смотря о чём мы говорим. Конечно, Европа сильно заинтересована в том, чтобы решить наконец проблему завершения собственной цельности. Да, она проявляет участие в том, чтобы включить Беларусь в общеевропейскую семью. Но есть проблема! И она в том, что сегодня ситуация в Беларуси очень сильно

отличается от тех стандартов, которые приняты в объединенной Европе. Поэтому Европа заинтересована в том, чтобы произошли определенные трансформации. Она пытается на это воздействовать политическими методами – кстати, абсолютно законными: всё, что касается области прав человека, не является суверенным делом того или иного государства. По данному поводу подписаны соответствующие международные конвенции. И когда в рамках этого в ОБСЕ или в Совете Европы рассматривается вопрос о нарушении прав человека в Беларуси – это нормально: это инструменты, признанные и используемые в мире.

К сожалению, у Европы пока недостаточно механизмов для того, чтобы эффективно влиять на ситуацию в Беларуси. Я бы сказал, что сегодня влияние Европейского Союза на то, что происходит в Беларуси, не очень ощутимо. При высоком внимании с их стороны! Просто у них отсутствуют эффективные инструменты.

Действительно, там есть бюрократическая структура, но... Там 25 стран, и любое решение Евросоюза должно быть одобрено всеми 25 странами. Есть Польша, Литва, Латвия, Германия, Чехия и другие, которые динамично приводят вопросы по Беларуси. Но есть страны, для которых это не является приоритетом. У Голландии, Португалии, Испании, например, есть другие проблемы, которые для них жизненно важны. Для них Беларусь является вопросом вторичным. Поэтому они не видят необходимости убыстрять какие-то процессы, создавать какие-то инструменты в отношении Беларуси. В Европе многие сегодня с трудом найдут Беларусь на карте. Это нам кажется, что мы центр мира и средоточие внимания, что нас все хотят завоевать, поработить и т. д. Я вам скажу, что во многих странах мира и политики, руководящие государствами, не всегда точно скажут, где находится Беларусь. Т. е. проблема и в том, что сегодня – как бы нам это ни было обидно! – Беларусь не является приоритетом номер один в европейской политике. К примеру, проблемы терроризма, исламизации и исламского фундаментализма, Ирака и Ирана для Европы первоочередные и более важные сегодня, чем проблемы Беларуси. Если бы для Европы это был вопрос номер один, то решение шло бы быстрей. Но мы не являемся проблемой номер один и в целом для Европы, и для многих влиятельных стран. Для

некоторых вообще отношения с Беларусью являются тем инструментом, через который осуществляется взаимодействие с Россией.

Нам иногда так кажется (и это нормально!), что мы центр мира и центр внимания. Это говорит о том, что мы осознаем себя как нация, как государство. Но нужно реально смотреть на вещи: сегодня мы не эпицентр всех мировых событий и не ключ к их разрешению. Поэтому задача сегодня – в том числе моя и моих коллег по демократической коалиции – в том, чтобы проблемы Беларуси поднять на более высокий уровень. И мы это сделали, хотя могло бы остаться всё по-прежнему: ну, есть такая страна в Европе – вне Европы, и пускай они там живут, раз не хотят жить по-другому; есть более важные проблемы, которые нужно решить, а потом можно заняться вопросами Беларуси. Такое отношение тоже есть! И очень хорошо, что наши ближайшие соседи не дают уйти беларуси вообще из повестки дня.

Кася Камоцкая

Структуры Евросоюза не то что слабые, а какие-то вялые: они всё заседают и заседают, одно заявление не отличается от другого. Поэтому мне кажется, что белорусская ситуация требует иного отношения к себе со стороны Евросоюза – более жёсткого, более конструктивного, более принципиального. Они как раз, может, и не думают, что мы – это Европа, думают, мы «где-то там»...

Сергей Костян

Евросоюз тоже не одинаков. Евросоюз руководствуется указаниями из Вашингтона. Там нет самостоятельной политики. Но там есть самостоятельные политики, понимающие, что с Беларусью надо сотрудничать. Примеры этому: приехала целая группа бизнесменов из Германии, подписываются договоры со словаками и словенцами. Экономическое сотрудничество идёт, а это – главное.

Вячеслав Кебич

С политической точки зрения, Евросоюз (а сюда же относятся Литва, Латвия, Эстония и Польша) хочет любым образом прибрать Беларусь в свое лоно, в лоно своей «церкви». Поэтому здесь предельно ясно: тут есть только политическая направленность.

Если Прибалтика еще может вести свою линию, независимо от Брюсселя, то поляки уже вряд ли сумеют. Это во-первых. Во-вторых, надо вспомнить историческое прошлое. Никогда не было никакой дружбы между белорусским и польским народами. Польша по-прежнему рассматривает Беларусь как бывшую свою вотчину. И эта панская «фанаберия» так и имеет место сегодня в Польше.

Анатолий Лебедько

Надо сказать, что стратегии здесь нет, если не считать таковой отсутствие всякой стратегии. Последняя избирательная кампания даёт нам надежду на то, что тут произойдут перемены, и Вильнюсская конференция-2006 тоже о многом свидетельствует. Если раньше во время такого форума нам приходилось проводить подготовительную работу и договариваться, чтобы кто-нибудь из известных политиков в своё выступление внёс несколько строк о Беларуси, то сейчас выступали все – и практически все говорили про Беларусь. Никто не проводил никакой предварительной работы. Это свидетельствует, что есть интерес к Беларуси на политическом уровне. Многие увидели на карте, что есть такая страна. Я думаю, это сделали в первую очередь те 30 тысяч человек, которые вышли на наш белорусский Майдан, на площадь, которую мы теперь называем именем Калиновского. Вот эти люди произвели перелом в отношениях Брюсселя к Беларуси, к её ситуации, к её перспективам. Все увидели, какое бешеное давление было на людей, какие были запугивания – в лучших традициях советских времён. И такое мужество говорит, что есть носители европейских ценностей – люди, рассматривающие свободу как ценность. Это их заслуга в первую очередь! Потом можно сказать, что это работа и политиков – долгая, на протяжении последних 15 лет.

Но сейчас надо интерес, который есть на политическом уровне, преобразовать в реальную стратегию и потом – в реальный план действий. Если это будет сделано, тогда мы можем говорить, что Европа присутствует в Беларусь – не случайно, не время от времени, а системно.

Если мы говорим о международном сотрудничестве, то вакуум тут не может быть. И если режим проводит политику самоизоляции, то это не означает, что ниша должна быть пустой: она должна заполняться субъектами гражданского общества. Что касается сотрудничества, то я думаю, что нам надо быть более pragmatичными и не бояться, что мы можем кого-то в Европе обидеть. У нас есть свои интересы! И если мы хотим решить белорусскую проблему быстро и прежде всего своими усилиями, то мы должны чётко сформулировать наши позиции. Я, например, за то, чтобы сказать нет международной помощи, которая является неэффективной. И не надо бояться этого!

Сколько уже времени обсуждаются различные проекты, связанные с прорывом информационной блокады в Беларусь. Сколько себя помню, всё идёт их рассмотрение. Но обсуждают этот вопрос, принимают решения люди извне, без участия экспертов из Беларуси. Как можно решить проблему информационного проекта без участия журналистов и специалистов в области информационных коммуникаций из Беларуси? Это значит, что принимаемое решение – просто «для галочки». У поддержанных Европой информационных проектов очень низкий уровень эффективности – и это необходимо переломить. И тут надо смело заявлять о позициях. А у нас так получается, что одна часть гражданского общества хочет больше нравиться, чем другая. Это неправильная позиция. Здесь, в отношении международного сообщества, должна быть консолидированная позиция.

Мы должны сказать, что помощь должна быть направлена не на какую-либо партию, НПО или лидера – её должен ощущать среднестатистический гражданин Республики Беларусь. Этим мы решаем, например, проблему пропаганды, которая говорит, что вся помощь направлена на то, чтобы сделать людям плохо. Во время избирательной кампании я проехал 17 регионов, было от 100 до 500 человек на каждой встрече. И всюду я задавал один и тот же вопрос: «Скажите, пожалуйста, у вас есть три телевизионные кнопки. На первой, второй

и третьей – абсолютно одна и та же информация, как сиамские близнецы. Если, например, Европейский Союз выделит ресурсы, деньги на создание четвёртой кнопки, спутникового телевидения, и вы, нажимая на кнопку, будете получать другой взгляд на те же события, другой анализ ситуации. Поднимите руки, кто против такой помощи?» Две, три, четыре руки! А значит, что там в целом люди воспринимают это позитивно, поскольку они видят, что эта помощь выходит на них. Она рассчитана конкретно на них.

Вот такого рода проекты нужны, такого рода помошь – чтобы её чувствовали в первую очередь люди. Тогда это будет эффективная контрпропаганда тому, что делает официальное телевидение и радио. Самое главное – вопрос эффективности!

Василий Леонов

Риторика хорошая, и вместе с тем слишком много цинизма в политике ряда европейских стран на протяжении всей истории Беларуси. Такова реальность, и нам не надо уповать на то, что Европа будет что-то за нас делать, будет что-то давать. Давать дешевый газ не будет и Россия.

Олег Манаев

Если сравнивать политику Евросоюза с политикой США в отношении Беларуси, то, на мой взгляд, политика США несравненно более адекватная. Но за последние годы политика Евросоюза стала гораздо более адекватной, чем раньше, хотя она еще далека от того уровня, который многие евробелорусы, и я лично, хотели бы видеть. Многие структуры Евросоюза все еще проявляют осторожность или даже нерешительность по отношению как к нынешнему политическому режиму в Беларуси, так и к гражданскому обществу. Я имею в виду целую систему конкретных действий. Возьмем, к примеру, формально-политический уровень, т. е. позицию Совета ЕС, Европарламента и Еврокомиссии – за последние годы они приняли множество хороших и справедливых резолюций, заявлений, осуждающих различные нарушения демократии и прав

человека в Беларуси. Но на другом, практическом уровне – какие конкретно проекты разрабатываются, какие конкретные действия поддерживаются (я имею в виду не только финансовую, но и политическую, технологическую, информационную составляющую), эта поддержка на порядок ниже. За каждой резолюцией, каждым политическим заявлением должны следовать практические решения, конкретные проекты и действия.

Пример – отношение к России. До сих пор одним из важных пунктов стратегии Евросоюза относительно Беларуси, по мнению демократических сил, является включение «белорусского вопроса» в повестку дня взаимодействия ЕС с Россией. Под «включением белорусского вопроса» подразумеваются не общие разговоры и намеки, а вполне конкретные предложения к России в ее контактах с руководством Беларуси. В ЕС с этим в принципе соглашаются, но когда доходит до практических шагов, то они не делаются. За последний год ситуация стала меняться к лучшему. Насколько? Посмотрим, как скажется «включение белорусского вопроса» – пусть даже и не в первом ряду – в повестку дня саммита «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге.

В 2005 году Евросоюз начал несколько информационных проектов для Беларуси. Это «Белорусские хроники» на «Дойче велле», специальная еженедельная программа на израильско-американском телеканале RTVi, это новое внимание к Беларуси, которое оказывает русская служба «EuroNews». У нас есть результаты опроса, проведенного в конце апреля 2006 г.: «Какие телеканалы Вы смотрите?». Русская служба «EuroNews» – от 20% до 25%, специальная передача RTVi – от 10% до 15%. Конечно, кто-то может сказать: «Ну и что, думаете, они посмотрели эти передачи и стали сторонниками демократии?» Но вот следующий вопрос: «Если Вы смотрели канал «EuroNews», то видели ли сюжет о едином кандидате демократических сил Милинкевиче?». Ответ: несколько раз – 39%, хотя бы один раз – 31%. Т. е. 70% из тех, кто вообще смотрит этот канал, видели сюжет о Милинкевиче. Причем, судя по ответам на другой вопрос, большая часть зрителей стали после этого думать о Милинкевиче лучше. Значит, эти проекты начинают работать. Передачи радиостанций, вещающих на Беларусь из Европы, слушают около 15% избирателей, т. е. около миллиона человек. Слушатели этих передач обсуждают их со своими друзьями, коллегами, соседями

и постепенно проникаются соответствующими знаниями, ценностями, взглядами. Если это влияние еще ставится под сомнение некоторыми представителями демократических сил в Беларуси и скептиками в самой Европе, то белорусские власти реагируют вполне адекватно и предпринимают жесткие меры, чтобы его заблокировать. Так что процесс идет. И Евросоюз принимает в нем все более активное и действенное участие. Это участие также вселяет надежду.

Александр Милинкевич

Стоит сказать о том, что впервые за многие годы Евросоюз выработал консолидированную позицию относительно диктаторского режима в Беларуси. Важно, что в последнее время основные европейские институты последовательно не признают результатов проводимых властью с грубыми нарушениями общепринятых демократических стандартов «референдумов» и «выборов». Однако пока надо признать, что объединённая Европа не выработала системного подхода к «белорусской проблеме». Ещё до президентской кампании со стороны отдельных национальных правительств имел место определённый флирт с режимом в Минске – в искренней или pragматичной надежде, что режим изменит поведение. Но было время убедиться, и события избирательной кампании подтвердили, что этот режим нереформируем по сути. Ни кнут, ни пряник на него не действуют. Мы со своей стороны всегда придерживались позиции: Европа должна вернуться к так называемому двустороннему подходу в отношении Беларуси, но с акцентом на вторую его часть – сотрудничество с демократической Беларусью.

Анатолий Михайлов

Для того чтобы сделать эту политику более эффективной, ее содержание всё еще предстоит определить. До сих пор она остается слишком абстрактной.

Татьяна Протько

Складывается впечатление, что какой-то политической стратегии в отношении Беларуси у Евросоюза нет. Именно сейчас в мире очень сложная ситуация – с большими нефтяными деньгами у одних и высокими ценами на нефть для других.

Довольно трудно Евросоюзу сейчас из-за высоких цен на нефть и газ. Поэтому по отношению к Беларуси теперь один подход, когда Европа стабилизируется – будет другой подход, совершенно другой. Сейчас Европа может, в принципе, закрыть глаза на то, что в такой близкой, соседской Евросоюзу стране нарушаются права человека, законы, демократия. И они изо всех сил эти глаза закрывают, так как мы – транзитная страна. А когда всё стабилизируется...

Такой кризис, как сейчас, уже был в 70-ые годы: Запад вышел из него с новыми технологиями, а Советский Союз, который только использовал деньги и не совершил никаких технологических изменений, – революции. Последствия сегодняшней ситуации будут такими же, хотя руководство России с этим борется. Будет большой политический кризис и в Беларуси, если эти большие деньги не будут использованы на модернизацию. Но пока что не видно, чтобы их вкладывали в экономику.

Посмотрите, какая у нас фактически инфляция – например, сколько стоит жильё! Когда квадратный метр жилой площади в Минске стоил более тысячи долларов? А сейчас это нормально уже. Это из-за того, что денег много и эти деньги идут не на модернизацию экономики, а на зарплату.

Я думаю, что много проблем ещё впереди. И говорить об отношении Европы к Беларуси можно будет через несколько лет. Сегодня Беларусь на распутье, и отношение к нашей стране – тоже на распутье. С одной стороны, симпатия к белорусам как к народу невоинственному, толерантному, добродушному, гостеприимному, принимающему людей такими, какие они есть. С другой стороны, если наше государство будет представлять собой опасность, отказываться от законности, демократии, прав человека, то в Европе могут закрыть глаза на то, что Беларусь сгинет в недрах белорусско-российской интеграции.

Поэтому к нам пока что относятся настороженно. Но Европа, я бы сказала, ожидает, что мы протянем им руку. Как на фресках Микеланджело, где Бог лежит и протягивает руку, а у человека рука такая вялая-вязлая... Вот у нас ситуация именно как на этой фреске.

Андрей Санников

Теперь больше внимания уделяют Беларуси, больше высказывают обеспокоенность. Но пока что, опять же, это не превратилось во что-то конкретное. То, что теперь говорят о расширении списка невъездных чиновников... Если это – всё, на что Евросоюз способен, то для меня это показатель не только слабости, но и нежелания серьёзно подходить к нашей ситуации. Потому что есть другие механизмы, доступные Евросоюзу, он мог бы их использовать. Начиная с торгово-экономических отношений: в определённых странах Евросоюза торговый оборот с Беларусью вырос в три, четыре, пять раз. Есть инструменты! Я не говорю, в каких формах эти инструменты можно применять – эмбарго, санкции, лишение лицензии (возможности работать) определённым фирмам, контролируемым властями. Есть инструменты юридические: одно дело лишить возможности поехать за границу в страны Евросоюза, другое – начать международное разбирательство по пропавшим в Беларуси. Есть такие прецеденты, можно такое сделать. Не претворяется в жизнь даже то, что было с медийным проектом... Просто жаль денег и времени, честно говоря. Думаю, там могут быть задействованы талантливые люди с нашей стороны, но эффекта не будет: никто не знает, никто не слышит, никто не видит. Кто-то из знакомых видел передачу по RTVi – ужасную: никого из Беларуси там не было, цитировали одну неудачную статью о Беларуси, появившуюся в «Гардиан», будто других статей вовсе не было.

У нас сейчас нет той среды, которая существовала в Польше в советское время. Тогда короткие волны слушали почти все. Сегодня эпоха FM, и невозможно короткими волнами бороться против FM. Поэтому надо помогать тому, что есть здесь.

Владимир Улахович

Как минималистскую, свод намерений. Концепция Нового европейского соседства – очевидный манифест сожительства в условиях нарождающейся новой разделительной линии. С одной стороны, ЕС провозглашает наращивание близости после собственного расширения. С другой – вводит жесткий визовый режим на всех направлениях, включая и регионы, где в истории никогда не существовало границ у белорусов (Литва, Латвия, граница с Польшей всегда была с более или менее облегченным режимом пересечения). При этом процедура получения виз постоянно делается все более и более усложненной и унизительной. Понятно, что это не имеет ничего общего с европейскими ценностями, на которых идеологически стоит ЕС. Оправдание ужесточением борьбы с незаконной миграцией в отношении Беларуси также не работает. Ни в одной европейской стране вы не найдете сколько-нибудь заметной с точки зрения социального и криминального напряжения группы иммигрантов из современной Беларуси. Но едва ли не в каждом крупном европейском городе вы легко найдете не очень дружные с законом общины украинцев, молдаван, россиян, албанцев, китайцев, вьетнамцев и т.д. Белорусы очень осторожны и разборчивы в переменах мест. Кстати, это также удивительная национальная черта.

Получается, что в соответствии с декларацией Брюсселя, Европа нам стала ближе после мая 2004 года, однако фактически, на деле – дальше. Хорошая иллюстрация европейской политики.

Валерий Фролов

Я приведу маленький пример. Как-то мне позвонил посол Англии: «Не могли бы Вы приехать?» Приехал какой-то их чиновник из МИДа, из Евросоюза, и такой счастливый рассказывает, как они приняли там какую-то резолюцию. Я понимаю, это чиновник, который в этом Европарламенте крутится, руководствуется своими подходами. Я понимаю западных людей: они всё стремятся демократическими подходами решить. Мы хотим, чтобы они нам помогли,

чтобы мы тоже стали похожими на них по жизненным принципам. Но это достаточно сложно сделать, потому что у них действуют законы, они ими руководствуются. И законы как-то не предполагают, что можно на кого-то «наехать», кому-то морду набить...

Думаю, там тоже мучаются: как же с нами поступить? Думаю, к ним приходит понимание того, что «плохим мальчикам» сколько пальчиком ни грози – всё бессмысленно. Пока в угол не поставишь или ремнем не отлупишь – толку не будет. Не вижу я достаточно жесткой последовательной политики, которая помогла бы. То говорят про телевидение, то про радиовещание... Думаю, тут очень многое зависит от конкретных людей, которые будут руководствоваться своими интересами. Далеко не на первом месте Беларусь в их головах. Ну, если сами белорусы не могут выработать тут свою какую-то четкую позицию и продемонстрировать, что они готовы и хотят жить в другой стране... А то живут лишь бы как! Так чего приходить к тому, кто сам не знает, как хочет жить?

Я не говорю о политиках вроде Александра Милинкевича. У небольшого слоя людей, конечно, есть такое видение. Но нет определенной общей линии, поэтому западные политики не знают, кому тут помочь, что тут делать, не напрасны ли будут усилия...

Кроме того, здесь очень серьёзное влияние России. Может быть, Евросоюз и хотел бы каким-то образом более конкретно повлиять на Беларусь, но тут Россия с другой стороны влияет. И начинаются какие-то политические игры. Это похоже на перетягивание каната: кто кого перетянет – тот потом щёки надует для «понтов», для ощущения, что «мы мощное государство». А принципиально – не особо Беларусь и интересна. Ну, есть такая страна, живут там такие хлопцы, которые и сами не знают-то куда идти (за исключением определенной части). Чего туда лезть? Тем более что ядерное оружие, в отличие от Ирана, мы уже сдали, ничего не разрабатываем, полезных ископаемых у нас нет. «Труба» транзитная немножко интересует. И чтобы предсказуемость была. Если тут что-то непредсказуемое будет – стукнут по голове: многие страны вокруг нас уже вошли в НАТО. Да и Россия спать в шапку не будет. Силы на это есть, в конце концов!

Мы оказались на разломе между Россией и Западом: и то на нас влияет, и это. И такой элемент раздвоенности... Не хотелось бы решать однозначно: «Вот

мы идем в Россию, этот Запад нам по барабану» или «Мы идем на Запад, Россия нам по барабану». Наверное, всё-таки как-то шире и глубже надо смотреть. А всем хочется так – чётко и ясно: все в Европу! А там нас и не ждут, в общем-то. Кому мы там нужны?

Жизнь, конечно, тяжёлая и жесткая штука. Наверное, нашей стране, как и каждому человеку, надо научиться жить без того, чтобы тебя водили за руку, всё объясняли.

Это как в зоопарке: клетки покрашены, дорожки посыпаны песком, кусок мяса тебе принесут, никакой зверь тебя не тронет – он сидит в соседней клетке. Всё нормально! Вот так мы и привыкли жить. Походил-походил по клетке, брык – полежал. Но человек, как и любое существо, должен жить в чистой природе! А мы немного задержались в этом зоопарке...

Станислав Шушкевич

Евросоюз оказался в западне. Дело в том, что сначала это было объединение стран, основанных примерно на одних и тех же политических принципах: у одних эти традиции уже укоренились, у других – почти укоренились, но они шли к цели, понимали, куда идти. Их общее законодательство, вылившееся в не принятую сегодня Конституцию (но есть ряд позиций, которые приняты), отвечало интересам этих стран. Когда присоединились 10 новых стран из Центральной Европы, возникли определённые сложности. И усовершенствование законодательства не успевает за этим. Они формируют бюджет по старым принципам. И они слабо утверждаются, потому что всё должно пройти через национальное законодательство сегодня. И совсем уж получилась неважная ситуация, когда в ОБСЕ, например, влились такие страны, как Беларусь (а там принцип консенсуса минус один). Они фактически перестали играть какую-либо объединяющую роль. Я бы сказал, что это переходный период в Евросоюзе. Он, для того чтобы расширяться, не успел усовершенствовать своё законодательство. Если хотите, в микромасштабе мы переживали подобное: понимали, что такое Советский Союз, что такое шестая статья Конституции. Мы её отменили и начали латать нашу Конституцию – её латать было невозможно. После

быстроенько приняли новую, с большими «прорехами» – демократичную, но не очень совершенную. Вот и в Евросоюзе сегодня нет законодательства, нет правовой основы, чтобы реально помочь такой стране, как Беларусь. Нет! Они могут помогать только через правительство, потому что это было объединение честных демократических правительств, избираемых демократическим образом. Они могут меняться, могут там быть такие выходки, как в Австрии, например, с правыми, либо такие выходки, как, может быть, сейчас будут в Италии. И я думаю, что пройдёт определённое время, пока это законодательство будет усовершенствовано.

Моральная помощь со стороны Европы – превосходная. А если речь идёт о какой-то помощи реальной, то это может быть сделано законно только через отдельные страны, как, например, сделала Словакия. А Евросоюз – не знаю... Я ни разу не был в Брюсселе, потому что не знаю, о чём говорить с брюссельской администрацией. Я знаю, какими законами она пользуется, и думаю, что на основании этих законов ничего человеческого сделать нельзя.

Мы можем жаловаться на евробюрократию (и я жалуюсь иногда), но она – правовая бюрократия: она работает по законам. И обойти этот закон не позволено евробюрократу. А закона, позволяющего решать такие вопросы, какие возникли с Беларусью, фактически у них нет. И это для них важнее всего. Заметьте: сейчас вступило 10 стран – надо уладить эти вопросы. Дефицит бюджета вновь вступившие страны создают до 2008 года что-то порядка 12 млрд евро. И нет этих миллиардов евро, и неоткуда их взять. А они должны находить согласно тому законодательству, потому что это то, что должно работать завтра. А Беларусь – подождёт...

Всеволод Янчевский

Честно сказать, я не вижу никакой политики. Евросоюз не понимает Беларусь и, судя по всему, не желает ее понимать.

Европа относится к нам потребительски, свысока. Часто она попадает впросак, потому что высокомерие даже великим не к лицу. Мы небольшие, и с брюссельских и washingtonских вершин нас рассмотреть сложно. Именно

поэтому они нас не понимают. Именно поэтому они впадают в такие глупости, что думают, будто если они ограничат въезд белорусских чиновников, то белорусские чиновники очень сильно от этого расстроятся.

Европа упускает огромные возможности сотрудничества с Беларусью. Наша стабильность – это плюс, она дает существенный плюс европейцам. Если бы они это использовали, начиная с небольших предприятий, фирм и заканчивая даже странами, они имели бы от этого очень существенную экономическую прибыль.

Беларусь решает за Европу ряд проблем – прежде всего, сдерживает вал наркотиков, нелегалов... За это Европа периодически лениво нас пинает. Подобное отношение не способствует тому, чтобы мы задачи ограждения Европы от всей этой мутни, идущей с востока, из Азии решали более эффективно. Это неправильная и неграмотная политика.

И, наконец, Европа просто теряет время. Европейцы почему-то думают, что рано или поздно мы пойдем путем Польши, Венгрии, Чехии. Но мы не Польша, не Венгрия и не Чехия! Они почему-то наивно думают, что Лукашенко – это случайность. За двенадцать лет они так и не поняли: Лукашенко – это всерьез и надолго.

Еще раз повторю: европейцы никакой политики по отношению к нам не проводят. У меня такое впечатление складывается, что политика Европы относительно Беларуси – это череда каких-то заявлений, которые эдак с года девяносто шестого одним файлом в компьютере числятся, и там переставляются только даты и поводы.

Американцы и европейцы очень часто напоминают мне советских бюрократов, особенно в своих формулировках: у них формулировки такие, как у прежнего ТАСС. Они абсолютно стандартны, предсказуемы, и можно лет на пять вперед прогнозировать, что скажет Госдеп США или какой-нибудь еврокомиссар по тому или иному поводу. Они себя выставляют в этом плане немножко смешными.

Самое интересное, что Беларусь практически ничего не просит у Европы. Европейцы сокрушаются, что здесь перекрываются всякие каналы помощи. Зря сокрушаются. Наш президент помогает европейским налогоплательщикам

сэкономить их деньги, которые большей частью разворовывались и разворачиваются. Все европейские программы помощи абсолютно не эффективны. Но общая практика предоставления всяких грантов на пространстве бывшего Советского Союза показывает, что это обычно безбожное воровство, стандартные отчетики непонятно куда.

Европейские политики никак не могут смириться, что в Беларуси случилась редкая штука – здешняя политика стала выстраиваться в точном соответствии с пожеланиями большинства народа. Так случилось, что в Беларуси появился Лукашенко. Так случилось, что Лукашенко сумел, в силу свойств своей личности (достаточно уникальной), перевести ожидания массы, большинства в политическую практику. Это не получилось ни в Украине, ни в России: там и до 91-ого года меньшинство управляло в лице не избранных никем коммунистических руководителей, и после 91-ого года там тоже управляло меньшинство.

В Беларуси получилось интересно: здесь начало править большинство. Здесь политика стала развиваться так, как хочет большинство. Большинство испытывало ностальгические чувства по отношению к СССР – этот элемент воплотился в политике. Большинство испытывало желание жить в государстве, как сейчас любят говорить, социальном (или, как любят выражаться политологи, патерналистском), или, грубо говоря, иметь поддержку от государства – и это нашло отражение в политике государства. Большинство не хотело видеть ужасающее расслоение – и здесь не прошла приватизация, и чиновники (по крайней мере, внешне) ведут себя достаточно скромно: их к тому принуждает власть.

И оказалось, что на данном этапе большинство белорусского народа в общеевропейский контекст не захотело вписываться. Это факт. И факт – не зловредный, не злонамеренный. Не было большего абсурда, чем назвать одну из книг о Лукашенко (весьма слабеньких) «Случайный президент». И, наоборот, Федута весьма грамотно написал в своей книге о том, что президент Лукашенко отнюдь не случаен.

Он не случаен по двум причинам. Во-первых, потому что такой человек безусловно должен был стать очень крупным лидером, масштабной исторической фигурой в силу своих редчайших личностных качеств: харизмы, гениальной

политической интуиции и уникального умения чувствовать дыхание и поступь истории (кстати, Лукашенко, пожалуй, вообще единственный политик на постсоветском пространстве, наделенный этим почти мистическим даром).

Во-вторых, то, что народ вручил ему всю полноту власти, также не случайно, ибо менталитет, ценности подавляющего большинства нашего народа на этом историческом этапе расходятся с классической европейской демократией. Наш народ не востребовал ни политические свободы, ни парламентаризм. Их у него не отобрали – это неверно. Их не подавили – они просто не были ангажированы. Причем ярко это было видно в 1991–1994 годах.

Заметьте, те свободы, на которых настаивал народ, все воплощены. На закате ССРР были очень сильно востребованы личные свободы. Свобода передвижения: все в Советском Союзе хотели ездить по миру. Если эту свободу отобрать – за нее народ выйдет на площадь, где бы то ни было. Свобода от мелочной государственной опеки, от диктата, от партсобраний, дурацких политинформаций, пропесочивания, слежения за личной жизнью (развелся – не развелся и т. д.) – всё это было востребовано большой массой людей.

Собственно, и в Советском Союзе лишь меньшинство требовало политических свобод. Большинство хотело вот этих базовых, личных свобод.

В Беларуси остались все свободы, которые были вызваны к жизни обществом. Но политические свободы (в западном понимании) общество сознательно и добровольно отвергло. Абсолютно четкий был выбор в сторону, скажем, единовластного правления. Я всегда протестую, когда наше государство называют диктатурой. Это некорректно, неправильно, абсурдно и даже, я бы сказал, кощунственно. Нельзя подавать руки человеку, который так говорит. У настоящих диктатур были жертвы – сотни, тысячи, миллионы. Тюрьмы, пытки, расстрелянные, убитые.

Разве можно это даже близко сравнивать с тем, что в Беларуси пару десятков человек за нарушения общественного порядка отправляют на пятнадцать суток? При диктатурах, извините, отправляют на пятнадцать лет, а не на пятнадцать суток. Или вообще высыпают массовым порядком на тот свет. И выход оппозиционных газет там не приостанавливают – они просто отсутствуют как понятие. И оппозиционные лидеры не собираются на конгрессы и политсове-

ты. Зачем же говорить о «диктатуре», зачем бросаться походя этим тяжелым, трагическим словом?

Да, у нас авторитарный режим – безусловно. Сам президент от этого не отказывается. Такой режим предпочтен большинством населения сознательно. Основную мысль Конституции 96-ого года народ прекрасно понял. Он понял: мы отдаём власть Лукашенко.

Я был депутатом прошлого созыва, я всегда говорил: «Да, наш парламент не столь полномочен, как европейский парламент». Но в этом нет ничего удивительного, потому что на этом этапе большинство нашего народа выбрало систему, при которой классического разделения властей нет, при которой есть смещение власти к одному человеку.

Этого желает большинство белорусского народа. И на примере сегодняшней Украины мы видим – это правильно.

Европе, Евросоюзу необходимо помнить: Франция шла к демократии несколько веков, пережив не одну кровавую революцию. Германия оплатила свою демократию миллионами своих и чужих жизней.

Мы же не хотим идти к демократии через потрясения и не желаем оплачивать ее кровью. Весь двадцатый век наша многострадальная Беларусь жертвовала всем ради светлого коммунистического будущего. Коммунистические бонзы говорили: потерпите сегодня, а завтра всем будет легче. Рыночники-либералы говорят то же самое – потерпите безработицу, безвластие, криминал – это, мол, всё издержки «переходного периода».

Кардинальное различие между Лукашенко и его противниками состоит именно в этом. Они опять пытаются заставить страдать народ сегодня ради туманного завтра. А Лукашенко знает: люди хотят жить нормально не завтра, не через десятилетия, а сегодня, здесь и сейчас. И именно этому подчинена его политика. В этом его правда и его сила.

Начинать строить очередное «светлое будущее» (на этот раз демократическое) у нашего народа уже нет сил. Было бы неплохо, чтобы в Европе нашлись светлые головы, которые поняли бы эту в общем-то не сильно сложную истину...